

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В УКРАИНЕ

Александр Сарна¹

Abstract

This article discusses the features of the use of the media materials as instruments of information warfare in Ukraine and Russia. The applied propaganda relies on the ideological concepts for the creation and promotion of a variety of “factoids”, that are completely natural to the modern media environment. Therefore, there are formulae applying for the establishment of narrative control in the description and evaluation of media events. This allows the grip and the combination of events, dates, names in random order within the set of frames. Their combinations are built as a set of several scenarios, which develops in the “ideological matrix”. The task of a critical intellectual in such a situation is to collate and compare the effect of the frame to go beyond the dominant ideological matrix.

Keywords: information warfare, internet-mem, factoids, narrative control, event framing.

В современных условиях идеологическое противостояние в информационной сфере нередко принимает черты информационной войны, обычно сопровождая боевые действия в тех или иных регионах нашей планеты, а зачастую и становясь их причиной. В данной ситуации понимание используемых противоборствующими сторонами тактик и стратегий по достижению поставленных целей, применяемых ими приемов и инструментов воздействия на аудиторию становится важным фактором предотвращения негативных эффектов данного воздействия, которые распространяются на всех, кто так или иначе вовлечен в происходящий конфликт.

Информационной войной можно считать комплекс различных видов деятельности по достижению информационного превосходства над противником посредством не только предоставления определенной информации, но и стремления (через СМИ или личное влияние) внушить какие-либо идейные установки, повлиять на сложившиеся убеждения, создать определенные стимулы и мотивацию к действию или отказу от него. В этом смысле информационные войны всегда тесно связаны с психологическими. Классические приемы и методы ведения информационной войны (внушение, убеж-

¹ Александр Сарна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной коммуникации Беларускаго дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Беларусь).

дение, манипуляция, дезинформация, провокация, агитация и пр.) складывались еще в период развития античной риторики, а затем постоянно совершенствовались с учетом развития технологических возможностей и расширения информационных ресурсов².

Традиционно в информационных войнах наиболее активно применяются методы пропагандистского влияния на массовое сознание посредством СМИ, поскольку это достаточно эффективно. Но все большую роль начинают играть «новые медиа», в частности – Интернет и мобильная телефония, которые используются в качестве «тактических медиа» и позволяют осуществлять децентрализованное влияние на отдельные сегменты аудитории – группы и персоны, которые являются «лидерами мнений» и выразителями интересов того или иного сообщества. Роль Интернета как самостоятельного информационного канала пока не может сравниться по охвату аудитории с традиционными СМИ, но если воздействие ведется на какую-то конкретную социальную группу, то именно первый становится наиболее точным и оперативным средством донесения нужной информации.

Для этого специально подготовленные пользователи совершают ряд действий по дестабилизации ситуации в информационном поле – открытие фальшивых аккаунтов несуществующих пользователей (от лица которых дается дезинформация о том, что происходило в той или иной ситуации), распространение ложных сведений или компрометирующих материалов в электронных социальных сетях, на порталах новостных сайтов, в комментариях на тематических форумах. Если количество ссылок на распространяемые сообщения становится достаточно большим, данная информация превращается в медиавирус и может быть ретранслирована в СМИ. На этом уровне инфовойны разворачиваются в политическом, медийном и идеологическом дискурсах как производство и распространение конкретных высказываний политиков, аналитиков и журналистов. Эти коммуникативные ходы осуществляются в предварительно подготовленном, «отформатированном» информационном пространстве, где путем пропаганды и агитации, рекламы и PR созданы смысловые поля, укомплектованы наборы риторических приемов, формул и клише, которые активно используются противоборствующими сторонами с переменным успехом.

Вооруженный конфликт в Украине в течение последних двух лет демонстрирует новые возможности применения информационных средств влияния на противника. В украинской ситуации не всегда удается применить те методы, которые кажутся эффективными, или же их применение внезапно приводит к противоположным эффектам. Специфика «гибридной войны» изначально путает все

² С. Расторгуев: *Информационная война*, М.: Радио и связь 1999; Д. Фролов: *Информационная война: эволюция форм, средств и методов // Социология власти*, 5 (2005), 121–146; С. Гриняев: *Поле битвы – киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны*, Мн.: Харвест 2004.

карты и ставит в тупик даже искушенных военных стратегов. Так, при оценке общей информационной картины в Украине речь идет о непосредственном столкновении официальных СМИ с медиаактивизмом со стороны ДНР и ЛНР. Но за их спинами стоят более могущественные силы: Россия и Запад, которые действуют примерно в равной ситуации, поскольку их аудитория уже склонилась к определенному равновесию в своих предпочтениях и оценках. Так, пророссийские СМИ пользуются успехом у консервативно настроенных россиян и жителей мятежных регионов, прозападную (украинскую) позицию поддерживают большинство украинцев и представители либерально ориентированной аудитории.

Это «линия разлома» в рамках цивилизационного, идейно-ценностного конфликта, где по одну сторону баррикад стоят убежденные в своей правоте вершители «православной духовности» и справедливости «советского типа», а с другой – сторонники либерально-демократических ценностей на основе закона и свободного рынка (но с привлечением радикальной национальной идеи, способной дискредитировать всю картину). С другой точки зрения происходящее может представляться как борьба украинских и российских олигархов за передел рынков с участием западных инвесторов и «спонсоров реформ», которые еще сами не определились, что им делать в сложившейся ситуации. Но такова «гибридная война», в которой по определению нет возможности четко выявить и сопоставить расстановку сил на фронте.

Такой вид противоборства находит себе эффективную поддержку в гибридном дискурсе современных СМИ, где политика переплелась с искусством, наука – с религией, а гиперсовременные технологии подпитывают архаические мифы³. Это происходит потому, что постмодерный медиадискурс выстраивается на основе гибридных функциональных стилей речи и совмещает традиционно выделяемые стилистические речевые группы (устно-разговорные и письменно-книжные) со специализированными и субкультурными арго пользователей различных средств массовых коммуникаций. В результате для медиа характерно наличие не одного, но множества различных типов и видов дискурсов, функционирующих одновременно как автономные и гетерогенные коммуникативные практики⁴.

Это приводит к обогащению языка, размыванию жанровых границ речевых практик в медиа, насыщению их новыми языковыми единицами и неформальными способами общения в противовес официально принятым нормам публичной коммуникации в рамках литературного языка⁵. Так возникают новые слова и по-

³ Н. Сосна, К. Федорова (ред.): *Медиа: между магией и технологией*, М.-Екб.: Кабинетный ученый 2014.

⁴ М.Н. Володина (ред.): *Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов*, М.: Академический Проект; Альма Матер 2008.

⁵ Л. Щипицина: *Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа*, М.: КРАСАНД 2010.

нения, зачастую выполняющие роль мемов – сообщений, которые легко запоминаются и быстро распространяются в медиасреде, а иногда и во всем обществе (вроде «Превед!»). В условиях информационной войны мемы превращаются в тактическое оружие, поскольку используются как ярлыки, способные унижить и оскорбить противника.

Сегодня интернет-мемы, которые появились на фоне кризиса в Украине, уже закрепились в бытовой лексике, и их значение понимают не только пользователи Сети, но и массовая аудитория СМИ. Некоторые из этих слов возникли недавно – «крымнаш», «укропы», «колорады», «зеленые человечки», «вежливые люди». Другие были придуманы раньше, но обрели новую популярность именно во время последних событий в Украине: например, «майданутые», «ватники», «бандерлоги» или «свидомиты»⁶. Однако столь уничижительные эпитеты используются лишь в электронных социальных сетях, а в официальных СМИ применяются лексические единицы, которые помогают не только опознать противника и выразить к нему негативное или позитивное отношение, но и охарактеризовать ситуацию в целом: «сепаратисты» или «повстанцы», «вооруженные террористы» или «народные ополченцы», «каратели» или «силы правопорядка», «незаконные бандформирования» или «борцы за справедливость».

Такие идеологически нагруженные концепты активно используются в информационной войне для создания и продвижения различного рода «фактоидов», которые уже не воспринимаются аудиторией как сознательная дезинформация, поскольку стали совершенно органичны для современной медиасреды. Российский исследователь медиа А. Мирошниченко считает фактоид симулированным специально для современных СМИ фактом реальности: «Феномен не нов и развивался с медиа. Но всегда считалось, что фактоид – это что-то ненастоящее. Есть, мол, реальность – вот там водятся настоящие события. А фактоид – нет (“мы-то знаем, как это делается”). Однако верификация контента реальностью уже давно не выдерживает критики. Кто ее видел, ту реальность? Превосходство факта над фактоидом утрачивает смысл. (...) Переселение событий в пространство медиа перестает быть симуляцией, а просто сопутствует переселению человека в виртуальный мир. Поэтому фактоид вовсе не симулирует событие, как это считалось во времена Wag the dog. Фактоид сам стал честным и достаточным событием»⁷. Тем самым фактоид не только симулирует событие или стимулирует развитие ситуации, но сам претендует на роль со-

⁶ О. Карпьяк: *Вата с укропом: язык политических мемов* // Русская служба канала BBC, Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/society/2014/08/140808_ukraine_new_internet_memes.shtml. Дата доступа: 20.01.2017.

⁷ А. Мирошниченко: *Фактоид перестает быть ложным событием*, Режим доступа: <http://www.aka-media.ru/column/818/>. Дата доступа: 20.01.2017.

бытия в дискурсивном пространстве СМИ. Более того, в процессе медийной репрезентации он превращает любое событие в «шоу» или «спектакль» в том смысле, который придавал этому понятию Г. Дебор⁸.

Изначально в Украине правила бал «события-спектакли», когда Майдан претендовал на роль Мегасобытия, запуская цепочку последствий и реакций – смена власти, захват Крыма Россией, спорадические вспышки насилия по всей стране и постепенное разворачивание конфликта на юго-востоке. Затем война превратилась в будни, столь ярких и зрелищных событий не осталось и они стали подменяться информационными поводами для медийных «фейков», которые и претендуют на роль фактоидов-мемов. Все усилия конфликтующих сторон направлены теперь на создание различного информационного продукта и медийного контента, который прямым образом влияет на развитие событий, а зачастую и подменяет его. Когда происходит «вброс» с той или другой стороны заведомо ложной информации, то это можно рассматривать как тактическую уловку, попытку перехватить инициативу и навязать свои правила борьбы в информационном поле. Но проблема в том, что последствия таких «вбросов», сопутствующих слухов и прямых провокаций рассчитать невозможно.

В итоге попытки аналитически объяснить ситуацию лишь усиливают влияние фейков и симулякров, в которых разобраться крайне трудно («Действительно был Дебальцевский котел или нет?», «Кто обстреливает Донецк?», «Взрывы в Одессе – это криминал или провокации сепаратистов?»). И поскольку четких ответов на эти вызовы нет, приходится довольствоваться аналогиями и допущениями, не слишком отличающимися от пропагандистских штампов и шаблонов. Так возникают простые и обманчиво доступные для понимания происходящего фактоидные формулы: «ДНР + ЛНР = НОВОРОССИЯ», «ДОНБАСС = КРЫМ», «ЯРОШ – новый БАНДЕРА», «ОДЕССА – это ХАТЫНЬ», «ВОЛНОВАХА = “ШАРЛИ ЭБДО”» и т.п. В них происходит сцепление и совмещение событий, дат, имен в произвольной последовательности на основе случайных ассоциаций и значимых параллелей. Но один раз установив такую сцепку, разорвать ее уже очень сложно, и демистификация становится практически невозможна.

Г. Павловский в интервью BBC использовал понятие «нарративного контроля» в оценке политики Кремля, стремящегося подчинить развитие событий своей воле и добиться желаемого результата любой ценой⁹. Однако следует понимать, что это не более чем возможность адаптации к изменяющейся ситуации и попытка прогностики в оценке возможных рисков. Нарративный контроль – это ситуационная модель, ориентированная на расчет возможности

⁸ Г. Дебор: *Общество спектакля*, М.: Гилея 2015.

⁹ Г. Павловский: *Реальность отомстит Кремлю и без оппозиции*, Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/12/141231_pavlovsky_putin_interview. Дата доступа: 20.01.2017.

появления случайных событий и спонтанных изменений ситуации в рамках планируемого сценария. Сценарий складывается как попытка выстроить последовательность событий, а сбой в сценарии возникает при вмешательстве случая, когда непредвиденное событие запускает другую цепочку взаимосвязей.

У Кремля, по-видимому, было несколько сценариев по Украине, и когда события стали разворачиваться непредсказуемо, начались импровизации, в которых смешались разные сценарии, противоречащие друг другу. Так возникли «спонтанные нарративы» вроде случая со сбитым над Донбассом малайзийским «Боингом». Их развертывание в отдельную событийную цепочку привело к реализации альтернативных сценариев эскалации вооруженных конфликтов и информационных войн, случившихся по поводу сбитых российских самолетов в Египте и Сирии, а также дипломатическому конфликту с Турцией. Тем не менее своевременное переключение внимания прессы и мировой общественности помогло российскому руководству буквально в последний момент выскочить из «донбасской воронки», в которую ее стремительно затягивало развитие событий в Украине.

Образ «воронки» или «водоворота», засасывающего в свою бездну все происходящее и превращающее современность в руины, использовал российский журналист А. Морозов в своей статье «К похоронам псковских десантников и самоуничтожению Византии»¹⁰. Он применяет метафору «воронки» в качестве вероятностной модели развития ситуации как своеобразного триггера, где спонтанность и сингулярность не позволяют предсказать, что произойдет в дальнейшем: «18 марта 2014 года Крым вошел в состав РФ. С этого момента Россия оказалась вовлечена в ситуацию, когда “все действуют”, но никто более не является политическим субъектом. Этим субъектом становится сам сюжет. История прекращает свое рутинизированное линейное течение и становится гигантской самовоспроизводящейся воронкой, которая засасывает любые субъектности»¹¹.

По мере развития событий и динамики разворачивания конфликта в Украине «воронка быстро пожирает людей, судьбы, чьи-то “политические планы”, а главное – воронка пожирает саму “современность”. Она забирает всю ту привычную ткань жизни, которая была явлена нам как наше “настоящее время”. Воронка работает исключительно на то, чтобы слизать всю поверхность “современности”. И в момент, когда ее двигатель остановится, люди – которые, несомненно, мыслили себя субъектами, а на самом деле превратились в “потoki”, – должны будут обнаружить себя в совер-

¹⁰ А. Морозов: *К похоронам псковских десантников и самоуничтожению Византии*, Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/society/4406>.
Дата доступа: 20.01.2017.

¹¹ Там же.

шенно другом ландшафте, где прошлая «современность» полностью руинирована»¹².

В несколько ином аналитическом ракурсе фактоидные нарративы могут рассматриваться как цепочки фреймов. Понятие фрейма как устойчивой формы или образа реальности в работах таких авторов, как Г. Бейтсон, М. Мински, Дж. Брунер, И. Гофман, связывается с когнитивными процессами восприятия и понимания окружающего мира¹³. Сила фрейма заключена в создании упорядоченного, непротиворечивого образа того, что воспринято и усвоено. Как правило, фрейм не осознается субъектом, а попытка его выявления и объяснения приводит к дезорганизации восприятия и деятельности.

Подобно тому как личностные смыслы порождают отдельные слова и фразы в нашей речи, так и фреймы организуют наше определение реальности на перцептивном, эмоциональном и когнитивном уровнях, что способствует более простому (но далеко не всегда адекватному) пониманию ситуации и возможности выработать свое отношение к ней для последующих действий. На уровне стереотипов фреймингом занимаются СМИ, которые способны собрать воедино множество фрагментов эмпирической реальности и сконструировать из них непротиворечивый образ события, соответствующий представлениям журналистов и запросам аудитории.

С этой точки зрения важнейшим понятием для нас становится понятие *прецедентного события*, которое выступает в качестве инфоповода для актуализации определенной стратегии медиадискурса, позволяя выстроить цепочку взаимосвязей данного события с некоторыми последующими и предыдущими. Именно прецедентные события становятся рабочим материалом для фрейминга в идеологическом дискурсе СМИ. Фрейм предполагает построение определенного сценария по развитию событий как образец для анализа ситуации, а затем экспорта представлений и ожиданий в другую ситуацию, проецируя/экстраполируя их на новый материал. Если обратиться к украинской ситуации, то можно увидеть четкое сцепление событий в некую «логически выстроенную» политтехнологами и журналистами цепочку. В компактном формате она предстает как взаимосвязь фреймов «МАЙДАН – КРЫМ – ДОНБАСС», а в расширенном виде выглядит так: «киевский майдан 2004 г.» – «майдан-2014» – «Сочи-2014» – «захват Крыма» – «конфликт в Донбассе». Особенность подобной событийной структуры в том, что каждое последующее событие воспринимается сквозь призму предшествующего, позволяя ссылаться на него как на пре-

¹² Там же.

¹³ Дж. Брунер: *Психология познания. За пределами непосредственной информации*, М.: Директмедиа Паблишинг 2008; И. Гофман: *Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта*, М.: Институт Фонда «Общественное мнение» 2003; М. Минский: *Фреймы для представления знаний*, М.: Энергия 1979.

цедент, подготавливающий общественное мнение к последующим изменениям.

Особую роль сыграли зимние Олимпийские игры в Сочи 2014 года, без которых запустить цепочку взаимосвязей между дальнейшими событиями в Украине не представляется возможным. Сочи-2014 стали ключевым фреймом в развитии ситуации «после Майдана». Олимпийские игры в качестве прецедентного события сыграли роль «испытательного полигона» для отработки новых методов и технологий по воздействию на массовое сознание россиян. Получилась своеобразная «модель для сборки» национальной идентичности и проектирования «ура-патриотических» настроений, которые затем были экспортированы в Украину и применялись для оценки событий в Крыму и Донбассе. Так стали возможны:

1) раскол аудитории на «патриотов» и «предателей» в их оценке Олимпийских игр;

2) массовая эйфория по итогам командных состязаний («мы победили!»);

3) неспособность критически оценивать ситуацию;

4) перенос этой модели на Украину («КРЫМНАШ»);

5) поддержка любых инициатив со стороны власти.

В итоге определенный ограниченный набор представленных сценариев складывается в «идеологическую матрицу». Она включает в себя различные комбинации фреймов («Майдан», «Сочи», «Крым», «Донбасс», «Новороссия» и т.п.), которые по-разному описывают события, выстраивают цепочки причинно-следственных связей, акцентируют внимание на одних аргументах и «забывают» о других. Но какие бы комбинации и взаимосвязи ни выстраивались в семантическом поле матрицы, они всегда будут ограничены рамками идеологии «русского мира» или «незалежной Украины», которые не предполагают компромисса. Единственное, на что мы можем рассчитывать при работе с такой матрицей, – выйти за ее границы в смысловое пространство большего объема, на уровень мировой транснациональной идеологии («глобализм – антиглобализм») или метанарратива «общечеловеческих ценностей».

Даже интеллект, призванный критически относиться и оценивать любые идеологические доктрины, не застрахован от влияния тех или иных фреймов, с которыми он может себя идентифицировать и тем самым оказаться ангажирован определенной политической силой. И если он может достаточно легко дистанцироваться от воздействия определенного фрейма, противопоставив ему другой фрейм, то освободиться от влияния матрицы ему так просто не удастся. Рядовые же обыватели и потребители информационного продукта практически обречены на полное поглощение агрессивной медиасредой, будучи не в состоянии хоть сколь-нибудь критически оценивать ту картину мира, которую навязывают им СМИ. Более того, не удовлетворяясь пассивным потреблением информации, они начинают сами активно производить и распространять в новых медиа собственный продукт – авторские

высказывания, способные спровоцировать не меньший резонанс, чем официальные месседжи, поскольку обращаются не от лица государства, а от себя лично (или от лица своей группы).

Таковы ролики киевской поэтессы, киевских и московских студентов, посредством интернет-сервиса YouTube напрямую обращающихся к аудитории «по ту сторону баррикад»¹⁴. Появление данного контента свидетельствует об открытии и активном использовании «второго фронта» информационной войны – партизанских вылазок и диверсий в инфополе противника, активности рядовых пользователей Сети, руководствующихся, в отличие от сотрудников спецслужб или «фабрик троллей», сугубо патриотическими мотивами. И к чему приведет усиление действий на этом фронте – предсказать пока невозможно.

¹⁴ Украинская поэтесса – россиянам: *Никогда мы не будем братьями*, Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/life/261634/>. Дата доступа: 20.01.2017; М. Поплавский: *Киевские студенты – московским: Проверьте информацию!* Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/society/2015/01/150128_tr_kiev_students_video.shtml Дата доступа: 20.01.2017; О. Слободчикова: *Российские студенты – украинским: «Простите нас!»* Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/society/2015/02/150213_tr_russia_ukraine_students_reply. Дата доступа: 20.01.2017.